

Александр Шпаков с дочерью Алисой / фотография из семейного архива

19.04.2018, 16:45 Москва

ИНТЕРВЬЮ

Хотел вытащить Навального из автозака: интервью дочери Александра Шпакова

Алиса Шпакова, студентка второго курса журфака Московского Гуманитарного Университета — дочь Александра Шпакова, столяра из Люберец, осужденного на полтора года за события на Пушкинской площади в Москве 26 марта 2017 года. Она рассказала ОВД-Инфо о деле своего отца, условиях, в которых он отбывает срок, и своих впечатлениях о произошедшем.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

Ваш отец действительно пошел на акцию Навального, потому что вы решили пойти?

— Да, как будущая журналистка, я решила посмотреть, что там происходит, понаблюдать за народом, за ситуацией. Мой отец решил не пускать меня одну, чтобы никто меня не трогал, не приключилось никаких бед.

До 26 марта ваш отец не участвовал в политических акциях?

— Нет, никогда.

То есть вы пошли на Пушкинскую площадь не как участник, и вы ни для какого СМИ не делали материал, а просто хотели посмотреть, как выглядит политическая акция?

— Да. Когда я ехала, я не знала, что митинг не разрешен.

И что там происходило?

— Все кричали, протестовали. Потом Навального засунули в автозак. Мой отец решил за него вступиться. Ему не нравится, когда с людьми происходит что-то плохое, и если он как-то может помочь, он не будет сидеть в стороне. Он решил погеройствовать и пошел к автозаку. А дальше — вы знаете.

Навальный говорит, что пытался снимать происходящее в автозаке.

— Но ему не дали это сделать. Он снял какой-то кусочек, но он ничего не дает. Я постоянно звонила отцу — через каждые полчаса или час. Его привезли в больницу, потом он ушел оттуда, потому что ему нужно было на работу. Потом он пошел домой — меня в это время дома не было — и перестал отвечать на звонки.

Я не возвращалась домой, потому что мне было не по себе, обзванивала больницы и полицейские участки. Затем мне написал адвокат Константин Спивак, который был приставлен к нему. Он очень неприятно общался со мной: «Привези отцу покушать, иначе будет плохо... Давайте встретимся, поговорим, не по телефону...» Возможно, меня тоже могли задержать. У меня была паника, я не понимала, что происходит. Мне адвокат не понравился, и я обратилась к своим родственникам, они посоветовали мне не ехать на встречу с ним. Адвокат доставал меня, пытался вытянуть кучу денег, которых вообще не было.

Из адвоката по назначению он хотел стать платным адвокатом?

— Просто хотел денег за свою работу.

Вообще, ему государство платит.

— Вот, хотел. Я пришла домой: я не знала, что там произошло. Дома все перевернуто, пропал системный блок компьютера и все информационные носители. (Потом вернули их достаточно быстро). Я пошла к соседям. Они рассказали, что были понятыми: приезжали полицейские и забрали моего отца... Затем со мной связался адвокат Сергей Бадамшин, начались суды...

До этого вы знали, что такое «Открытая Россия»?
(Бадамшин работает с «Открытой Россией». — ОВД-Инфо)

— До этого — нет. Но Бадамшин звонил моей тете, а она — подкованная женщина, и только затем Бадамшин говорил со мной. Я бы не рискнула связаться с незнакомыми людьми.

Суд был примерно через месяц после задержания?

— Примерно, да. Это время он был в СИЗО на «Водном стадионе». Насчет условий там не знаю, мне папа о них не рассказывал. Я приезжала его навещать, удалось съездить два раза. Там мы виделись, говорили о том, о сем. Там есть комната, которую разделяет стекло. Напротив сидит ваш собеседник, и есть телефонная трубка, по которой говорите. В комнате много таких кабинок. Очень грязно, все плохо организовано. Мы записывались несколько раз с крестным. Было такое, что мы могли просидеть весь день и не попасть на разговор. О СИЗО отец ничего не рассказывал: говорил, мне эта информация ни к чему. Чтобы я не переживала, говорил, что все хорошо.

Вам было очевидно, что приговор будет обвинительным?

— Мне, в отличие от моей бабушки, было очевидно. Никто бы его просто так не отпустил. Если бы отпустили, люди могли бы подумать, что можно ходить на митинги и бить полицейских. Хотя он никого не бил. Он просто ввалился в автобус, там его побили, а потом уголовным делом прикрыли избиение.

Признать вину вашему отцу рекомендовал бесплатный адвокат?

— Да. Мой папа не хотел, но на него давили. К тому же у него не было связи с родственниками, он подумал, что его бросили, и решил: отсиджу и отсиджу.

Почему он не отказался от признания вины?

— Я не слышала, чтобы человека отпускали, если он отказался от признания вины.

Алиса Шпакова / фотография из семейного архива

Вас допрашивали по делу?

— Да, в Следственном комитете. Практически сразу после ареста полицейские объехали моих родственников, ждали меня у дома, чтобы вызвать на допрос. Позвонили мне в одиннадцать вечера и сказали приезжать. Я ответила, что уже поздно и непонятно, как после допроса доберусь домой. Договорились, что приеду на следующее утро. Это было до того, как делом занялся Бадамшин. Я поехала с подругой, меня очень долго допрашивали, узнавали все подробности. Спрашивали о моих политических взглядах и взглядах отца. Но я человек аполитичный, мне нечего было сказать. Моему отцу говорили, что Навальный — от Америки, и если мой отец не признается, на него повесят организацию всего, что было на Пушкинской. Когда был суд, Навальный вроде обещал прийти, но не пришел — вел какой-то эфир.

Вашего отца били на допросах?

— Этого я не знаю.

В деле против вашего отца никакой видеозаписи нет, просто показания полицейских?

— Да. В деле зафиксировано, что у отца были телесные повреждения, но это объяснялось самообороной полицейских. Потерпевший Гоников на суде просил отца не сажать.

Отец был подавлен?

— Он держался хорошо, но исхудал, под глазами были синяки, выглядел болезненно. После приговора его

довольно быстро отправили в колонию. Сейчас он сидит в ИК-3, Сафоново, Смоленская область. Я приезжала туда с дядей, организовано все там неплохо. Я хотела длинную свиданку, но дали только короткую, на три часа. Камерки со стеклом в колонии похуже, чем были в СИЗО в Москве. Про колонию отец тоже ничего не рассказывает. Колония в шести часах езды от Москвы, я не могу его, к сожалению, часто навещать. Он все такой же худой, с мешками под глазами. Выглядит не очень.

Я видел вашего отца в Мосгорсуде, не могу сказать, что он худой: он крепкий.

— До этого-то он вообще был в теле. Если сравнивать, какой он был, он похудел.

Как вы оцениваете то, что произошло?

— Для меня все это очень далекое, я не думала, что со мной такое может случиться. Я не представляла, что на полтора года останусь без отца. Для меня, для бабушки это очень тяжело. Очень ждем его, благо осталось недолго. Он должен выйти в сентябре.

Как он сам к этому относится?

— Он никаких оценок не давал. Видимо, смирился с таким исходом. Я жду, когда он выйдет, тогда мы нормально поговорим. Друзья и родственники ждут его, очень переживают.

Почему его отправили в СИЗО?

— Видимо, посчитали, что он писал президенту, потому что Ксения Собчак попросила его отпустить. Не знаю, почему в колонии решили, что мой папа сумел достучаться до президента, это даже смешно. Еще у него под одеждой нашли личный свитер, а это считается нарушением.

Про «достучаться до президента» сказали неформально?

— Они сказали, что никогда не слышали, чтобы Ксения Собчак помогала кому-то из заключенных. Значит, мой папа куда-то написал. По-моему, Немировская (Полина Немировская, сотрудница «Открытой России» — *ОВД-Инфо*) об этом писала.

А колонии-то какая разница, когда вашего отца отпустят?

— Видимо, они в принципе не считают, что у заключенных есть какие-то права.

К вам обращались представители Собчак?

— Нет, о ее просьбе я узнала из СМИ.

Что ваш отец делает в колонии?

— Говорит — работает, учится какому-то делу. Вообще он хороший столяр, специализируется на изготовлении деревянных лестниц. В колонии учится чему-то другому, не связанному с обработкой дерева. Честно говоря, не помню, чему.

Александр Шпаков с дочерью Алисой / фотография из семейного архива

Какие выводы вы сделали из этой истории?

— Что рано или поздно приходится взрослеть, особенно когда остаешься фактически одна. И что даже ради интереса не нужно лезть в такие мероприятия. Случилось все потому, что отец ввалился в автозак, и полицейским это не понравилось.

И попытался забрать оттуда Навального.

— Да. Супергерой. Еще им было нужно больше народа для показательного суда. Чтобы показать: сидите дома,

не ходите на митинги, целее будете. Можете сесть, даже если ничего делали.

Вы общались с родственниками других людей, которых посадили за 26 марта?

— Нет.

Как эти события повлияют на вашу будущую журналистскую специализацию?

— Я думала об этом. Наверное, я не буду писать о политике. Это опасно для меня и близких. Мне это уже, мягко говоря, приелось. Планирую заниматься спортивной журналистикой. Может быть, писать о культуре. Сергей Бадамшин познакомил меня с одним редактором, я могла начать писать о политике, но у меня была такая апатия, что я отказалась. Вообще не могла ничего делать. И это не та ситуация, на которой нужно выезжать как журналисту.

Сложно, конечно, представить, но если бы вы просто уехали с Пушкинской площади домой, какое у вас было бы впечатление?

— Все-таки мне кажется, что выглядело все очень нелепо. В основном, были школьники, если школьники просто покричат лозунги, ничего это не даст. Это даже нельзя назвать приятным времяпрепровождением. Если что-то делать, то другими путями, а не выходить на площадь и кричать.

У вас сложилось впечатление, что толпа была неадекватна?

— Мягко говоря.

Правильно ли вела себя полиция?

— С одной стороны, наверное, правильно — митинг был несанкционированный, они должны были его... Успокоить.

С другой стороны, они били людей, которые ничего не сделали. Сфабриковали уголовные дела. Полиция должна была действовать... спокойней.

Когда вы поступали на журфак, о чем хотели писать?

— Я особо не представляла, журналистика для меня была чем-то новым. Помимо учебы, еще я занимаюсь дизайном.

Ваш отец ехал вас защищать. На этом митинге вам что-то угрожало?

— Нет, мне ничего не угрожало. Конечно, толпа народа, непонятно, кто как себя поведет, люди толкаются. Но если стоишь в сторонке, что может произойти?

Кто виноват во всем произошедшем: школьники, Навальный, полиция?

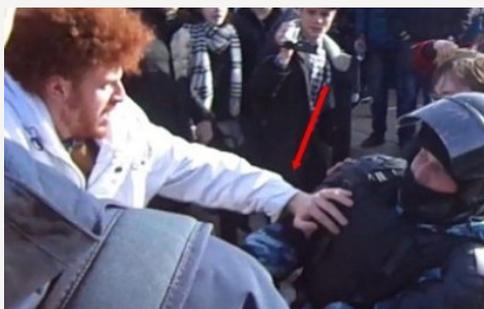
— Все виноваты по-своему. В любом случае, это жизненный опыт, хотя и негативный.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Дело 26 марта

Дело о нападениях на полицейских заведено после жестко разогнанной акции против коррупции 26 марта 2017 года.

23 117

Ещё почитать

05.03.2026 **Москва**

Блогер-женоненавистник Арсен Маркарян получил реальный срок по делу о реабилитации нацизма